

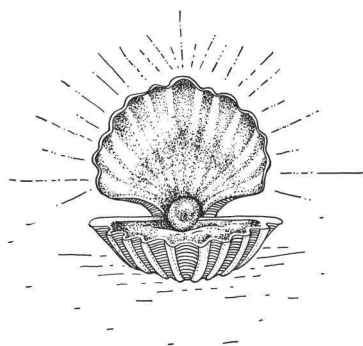
Отец лежит на глубине пяти саженьей,
кораллы в его кости проросли;
глаза мерцают жемчугом бесценным,
Он полон вечности, богатства, тишины.
Ничто не увядает — это странно.
Не странно то, что нимфы каждый час
сквозь моря шум и волн
Звонят свое: дин-дон...
Как будто они молятся за нас.

Уильям Шекспир, «Буря»¹

«Вперёд, в открытое море! Плевать на со-
кровища! Это великолепие волн вскру-
жило мне голову».

Роберт Льюис Стивенсон,
«Остров сокровищ»

¹ Здесь и далее перевод стихов Елены Теплоуховой.

ПРОЛОГ

Баннин-Бей, Западная Австралия 1886

Никогда прежде Элизе не доводилось видеть землю, настолько похожую на кровь. С палубы парохода можно долго смотреть, как она поблескивает, простираясь ленивым, размытым солнцем пятном.

Элиза прикрывается ладонью от слепящих бликов, привстав на цыпочки, вглядывается вдаль поверх полированных перил. В жарком мареве перед ней дрожит красная поверхность земли и бурлит, волнуясь, зелёная морская пучина. В наполненном вонью соли и водорослей горячем, душном воздухе висит что-то тревожное.

— У нас получилось, мои дорогие, мы здесь! Замечательно! — Отец улыбается, и его напомаженные усы приподнимаются вверх. Он отворачивается от своей семьи, чтобы полюбоваться на странный пейзаж — зеркальные бухты и мрачные скалы цвета раздавленных насекомых.

Это путешествие должно спасти их. Так говорил им дома отец за бараниной с подливкой. Перед этим он потчевал их байками о жемчужных раковинах, сияющих

перламутровым блеском с оттенками шампани, серебра и сливок. Вместе с братом он собирался запустить флотилию люггеров¹ для перевозки и продажи раковин американцам и французам. Мир уже распробовал трофеи залива Баннин, превращая перламутр в пуговицы и невероятной красоты рукояти для револьверов.

С замиранием сердца они наблюдали за тем, как отец достал свой старый атлас, перелистнул страницу и провёл ладонью по месту под названием Новая Голландия.

— Смотрите! — Он ткнул пальцем вниз, на западное побережье. — Как только мы доберёмся туда, позабудем обо всем, что случилось.

Перед глазами Элизы предстает пустынный белый пляж. Далеко за горизонт убегают дюны с острыми пиками солончаков. Внизу, под перилами чайки кружат вокруг пристани, которая, как изогнутый хвост крокодила, скрывается в мангровых зарослях.

Отец уверенным шагом ведёт их за собой на берег: дядю Виллема, тетю Марту, мать и брата Элизы. Томас на голову выше неё, выделяется в своих коротких брючках и отглаженном парадном пиджачке. Оглянувшись назад, она замечает портовых грузчиков со сгорбленными спинами. Одетые в замызганные жилетки и молескиновые брюки до колен, они сносят с корабля то, что осталось от вещей Брайтвеллов.

Держась за подол матери, Элиза спускается на пристань. Именно в этот момент ее ноги скользят по до-

¹ Небольшое парусное судно, использовавшееся в частности для добычи жемчуга (*здесь и далее примечания переводчика*).

скам со скоростью ножа по салу, и она падает ничком, ударяясь затылком об отвратительно воняющие доски. Ей приходится опереться ладонью о жирную древесину, усыпанную рыбьей чешуей и ошметками мяса, высохшего на солнце до хруста.

— Вставай, Элиза. Отряхнись. — В утешение мать протягивает ей свою широкую ладонь.

Мать поднимает ее на ноги, и Элиза потирает локти и отряхивает юбки. Солнце разбросало сверкающие монетки по всему морю, из-за них в глазах пляшут звездочки. Подняв голову, Элиза обнаруживает заслонивший небо полумесяц маминой шёлковой шляпы с такими до нелепости широкими полями, что иногда дома мужчины прятались от неё по углам.

«Как странно она смотрится на фоне этого необычного нового места, — подумалось Элизе. — Словно когда-то красивая стрекоза, угодившая в ведро с грязной сточной водой».

Они спускаются по пристани, отец с братом вышагивают впереди. В сгибах локтей и коленей скапливается пот. Они проходят мимо мужчин, которые, неотрывно следя за ними, мозолистыми руками конопатят швы киянками, кувалдами и ржавыми лезвиями. Мать на них не обращает внимания — что легко для того, кто привык к восхищенным взглядам, вместо этого она смотрит с берега на мерцающий шёлк моря.

— Смотри, моя девочка, как красиво! — Она приседает перед дочерью, становясь с ней одного роста. Элиза слышит всплеск до того, как это происходит. Краем глаза она улавливает движение, но не успевает отвернуться. Жидкость — вонючая, густая, с кусками грязи — выплескивается на них и медленно стекает по

лицу Элизы. Они хором поворачиваются к мужчине, который замер на месте — он похож на высушенный на солнце изюм; во рту у него виднеется всего несколько серых зубов. Под мышкой мужчина держит бочку с рыбьими потрохами, а морщинистую ладонь поднял вверх в знак капитуляции.

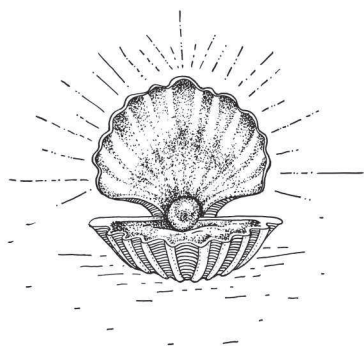
— Я извиняюсь, — выдыхает он, хотя на его губах играет улыбка. — Леди, вы оказались прямо на моем пути. Прошу меня простить. — Он отступает в сторону, давая им пройти. — Пожалуйста.

Мать фыркает, резко дергая дочь вперёд. Размазывая по щекам потроха, Элиза оборачивается и видит, как мужчина снимает шляпу, откашливает из горла комок мокроты и вместе с клейкой струйкой слюны сплёвывает себе под ноги. Мать переходит на рысь, дергая Элизу за руку, пока она сама, повернув голову, продолжает смотреть назад.

До неё с трудом доносятся слова, прежде чем их уносит бриз. Пять слов, которые она навсегда запомнит.

— Добро пожаловать в Баннин-Бей.

ГЛАВА 1

*10 лет спустя, Баннин-Бей,
Западная Австралия, 1896*

Она попросту оставит этого таракана умирать. Вот как она поступит. Он будет лежать на спине, в изнуряющей духоте сезона дождей, медленно перебирая лапками, затем дергаясь, пока наконец вовсе не перестанет двигаться.

Снаружи восходящее солнце нежно обнимает землю. Над заливом кружат стаи морских птиц, в предрассветной туманной дымке берег окрашивается в розовый цвет. Элиза переводит взгляд на часы на комод, за запыленным выпуклым стеклом мерцают четыре луны. Она шевелит пальцами, пока перебирает цифры в уме.

Шестьдесят один.

Столько дней она ночевала в этом бунгало одна! И с каждой последующей ночью одиночество копилось, уплотняясь как сажа в трубе. Сейчас, как это бывало все чаще, она сама составляет компанию звукам: нетерпеливому тиканью гофрированного железа, еле слышному постукиванию лапок таракана о полированное

дерево джарра¹. Однако сегодня — в день настолько влажный, что его можно попробовать на вкус, — сегодня ее дом снова наполнится жизнью.

Она надевает обувь и расправляет юбки, представляя, как оживает Баннин-Бей — в городе распахиваются ставни, торговцы, наклонившись, подметают дорожки к своим магазинчикам. По пыльным переулкам будет свистеть ветер, неся с собой истории о смерти в море. Люди, встречаясь, будут по секрету рассказывать друг другу о звоне раковин и шептать о грядущих бурях, разрывающих небеса, словно гнилые зубы. На берегу первые из люггеров завалятся набок в иссиня-чёрную жижу. Оставшийся флот вернётся позже, после долгих месяцев ловли жемчуга. С ними вернутся ее отец и брат. Элиза больше не будет одинока.

Она перевязывает волосы бантом и вытирает липкую шею. Сквозь решетку на окне с каждой минутой все ярче пробиваются лучи утреннего солнца, отбрасывая на мебель четкие узоры. Элиза оглядывается, убеждаясь, что насекомое все ещё живо. Десять лет прошло, а она так и не смогла привыкнуть к тараканам и вряд ли когда-либо привыкнет. Она подходит к букашке и рассматривает его блестящее перевёрнутое тельце с лапками, похожими на сломанные веточки

В этом месте витают мертвецы, — подумала она. В городе их полно: раздутые от трупного газа туши крокодилов, угодивших в ловушки для макрели, тела утонувших ловцов жемчуга, закопанных в песок выше линии прилива.

¹ Эндемик Австралии, дерево может достигать высоты 40 метров. Ценится за красную древесину.

Она застегивается на все пуговицы и выходит из бунгало. Грунтовые дорожки теперь знакомы ей так же хорошо, как и улицы Лондона. Но вместо густого смога и грязи сточных канав при каждом ее шаге вверх вздымается оранжевая пыль. Из зарослей цветов яростно вопят розовые какаду, а перезрелые манго злорадно взирают на неё как пышнотелые королевы, рассеявшиеся на деревьях.

Она делает всего несколько шагов и резко останавливается. Повернувшись, смотрит на бунгало, стоящее на серых каменных сваях. С поникшими плечами, тяжело вздохнув, поднимается по ступенькам и заходит обратно в дом. Переступив через порог, наклоняется, вытирая юбками с полированных досок пола скипидар недельной давности. Просунув указательный палец под насекомое и, легонько щёлкнув, переворачивает его. Таракан как будто мелко дрожит, шевеля в воздухе тоненькими усиками. Когда Элиза снова выходит в духоту улицы, он уже убегает.

Жемчужный люггер может несколько долгих месяцев находиться в море, а его команда возвращается на берег, покрывшись толстым слоем соли, как сушеная селедка. Они сталкиваются с приливами и отливами, бурным течением и одиночеством на своих маленьких деревянных суденышках, неудивительно, что в море рождаются связи, которые ни человек, ни случай никогда не смогут разорвать. Во время работы ботинки со свинцом грузом удерживают водолазов на дне океана, а ещё тяжелые нагрудные пластины

и медный корсет. Элиза читала статьи в газетах, где подробно описывалось, как людей сбивало с палубы мачтой, и они тонули под всей этой металлической тяжестью.

«Тендер¹ должен следить, чтобы его водолаз поднимался на поверхность медленно, — говорил ей отец. — Иначе он может остаться калекой». Людей вытаскивали мертвыми конечно, было и такое. Раздавленными до неузнаваемости, с желудками, вдавленными в грудную клетку. Некоторые умирали с раздутыми лицами, чёрными распухшими языками, вылезшими из орбит обезумевшими глазами.

«Белый скворец» в плавании уже почти девять недель, его команда собирает раковины с морского дна и складывает их в трюм вместе с сушеной рыбой и порошком карри. Элиза много раз была свидетельницей возвращения мужчин из плавания: изможденные призраки, с ввалившимися глазами, они медленно сходят со своего судна, их кости выступают, как клавиши пианино, открытого для игры.

Она идёт к пристани, получая по пути от жителей городка вялые кивки. Низкие бунгало укрылись под тенью пальм и серебристых эвкалиптов. Дома, когда-то выкрашенные в зеленый и бежевый, не останавливают расползающееся пятно засушливой земли.

— Ты идёшь их встречать? — Миссис Рисли выглядывает из-под мокрого полотенца. Элизе приходится

¹ Человек, обеспечивающий работу водолаза с борта судна.

напрячь слух, чтобы за галдежом корелл на крыше слышать ее слова. — Они возвращаются сегодня, да? — Пожилая вдова тяжело поднимается с кресла на веранде. Элиза, слабо улыбнувшись, кивает, уходя прочь от ее пристального взгляда.

Она торопливо проходит мимо кустов, в которых неистово жужжат насекомые. Впереди красная земля сменяется бледным золотистым песком. Вдалеке в зарослях эвкалиптов теснятся потрепанные штормом лачуги. Она до сих пор не может привыкнуть к контрасту: бунгало в пол-акра с их пышной растительностью и море покореженного металла за ним, колышущееся в удушающем мареве.

— Не хочешь причесаться? — окликает Мин с соседнего порога. Похоже, она работает. Элиза улыбается, подходя к ней. — Сегодня тот самый день? — спрашивает подруга. Волосы Мин уложены в аккуратный шиньон, заколотый перламутровыми шпильками, которые блестят на солнце, как след улитки. Элиза вздрагивает, услышав приглушённый кашель, доносящийся из хижины.

— Должен быть сегодня, — напряжённо кивает Элиза. Сердце сжимается при мысли о скорой встрече с отцом. — Сегодняшний день показался мне бесконечно долгим. Но я в порядке, правда. Я в порядке, — как всегда, сдержанно говорит она. Над крышей хижины на ветку садится маленькая бриллиантовая горлица. Они наблюдают за тем, как она чистит пёрышки, а затем обращает на них взгляд своих глазок, окаймленных красной полоской.

— Ну, я полагаю, всегда нелегко, — подытоживает Мин. — Особенно если ты как сейчас строишь из себя

скромницу. — Она рассеянно закусывает губу, отчего ее и так резкие черты лица заостряются ещё больше.

— Девочка, ты испытываешь мое терпение! — грубый голос рывкает из темной глубины дома. Элиза вздрагивает, но не успевает быстро скрыть выражение своего лица.

— О, дорогуша, стоит ли напоминать тебе, что не у всех есть отцы, владеющие целой флотилией? — Мин заправляет за ухо выбившийся локон. Элиза ощутила острый укол вины, заметив в мочках ушей Мин сережки — возможно, подарок от поклонника, но вероятнее всего извинение.

Так было не всегда. В детстве, оказавшись вместе в этом городе, который как будто балансирует на краешке земли, они восторженно рассказывали о морских приключениях и взахлёб делились мечтами о путешествиях в экзотические страны. Мин не стесняясь говорила о том, как будет крутить романы, о красавце морячке, за которого выйдет замуж, и о детишках, упитанных и счастливых, которых они будут растить вместе. Она сюсюкала с младенцами, которых выгуливали дамы из высшего общества Баннина. Но когда подходила к ним поближе, женщины поджимали губы и отгоняли ее, как назойливую муху. С возрастом Мин становилась все красивее, а Элиза — все невзрачнее. Подруга поддразнивала ее:

— Ты никогда ничего не добьёшься в этом городке, если не будешь проявлять интереса к мужчинам.

— Меня интересуют мужчины, — холодно парировала Элиза. — Просто меня не интересует замужество.

— Интерес к содержимому мужской библиотеки не означает интереса к мужчинам, — ворчала Мин.